

ВАЛЕРИЯ НАСЛЕДОВА

**СМЕРТЬ
ЯЗЫКА**

16+

Валерия Александровна Наследова

Смерть языка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56056748

SelfPub; 2020

Аннотация

Счастлирое семейство, состоящее из мужа-бизнесмена, жены-домохозяйки и маленькой девочки Муниры, гостит в старом поместье бабушки Асимы. Но, как мы знаем, все счастливые семьи счастливы одинаково, поэтому эта история не о счастливой семье. Старуху Асиму обвиняют в безумии. Она бегает по дому, выкрикивает еле различимые зачатки слов и трясет в руках таинственную деревянную шкатулку.

– Пора твою мать сдавать в дом престарелых!– прошептала женщина, трясая рукой перед щупленьким высоким мужчиной. Они стояли в дверях смежных комнат. Его подошвы смотрели в сторону. Ее руки скрестились на груди. Дома не было никого, кроме маленькой девочки Муниры, их семилетней дочки, и старенькой семидесятилетней бабушки Асимы – матери, потупившего взгляд мужчины.

– Ну почему ты так говоришь, она же старая и больная, ей нужен уход.– выдавил мужчина. Его кадык нервно дернулся.

– Вот именно, она старая и больная! Сходит с ума.

– Ничего она не сходит с ума. Просто она расчувствовалась.

– Да она сейчас всех гостей перепугает. Ну как так можно!– и почему шепот этой женщины был настолько резким, почему он разрезал сердце девочки, которая случайно подслушала разговор взрослых. Отец увидел испуганный взгляд дочери, взгляд, смотрящий на него из-за двери. И за этой дверью прятался страх, детский маленький страх, который подкрадывался к мужчине, и кусал его за ребра. Мужчина кашлянул. Он вновь посмотрел на девочку, но Муниры уже не было, она бежала по саду старого поместья, раздавливая голыми ступнями вишню, которая источала сладкий еле ощутимый запах. Мужчина смотрел в пустой проем. Его жена так же продолжала трясти рукой. А он так же пытался разглядеть девочку, уже жмурясь. Но Муниры не было. Только ее испуганный взгляд отражался в глазах мужчины.

Гости, сидящие за круглым столом, пережевывали ужин, который падал большими непрожёванными кусками им в глотку. Это были высокопоставленные люди, которые намеревались сделать финансовое предложение мужчине, и мужчина об этом знал. Но еще больше, об этом знала его жена. Она наигранно улыбалась, передавая бутерброд с икрой. Четверо мужчин в черных костюмах вместе со своими женами разделявали лобстера. Они весело смеялись, выдавливая из себя несмешные шутки.

– Маменька, а ты что не ешь? – обеспокоенно спросил сын, и его жена дернула мужчину за рукав. Гости замолкли. В углу сидела бабушка, укутавшаяся в черные лохмотья. С ее лица стекала глубокая морщина. Она посмотрела на сына, и наивно улыбнулась, скрывая свое смущение.

– Супчика бы мне, я такое не привыкла кушать.– произнесла бабушка, и на лице женщины, которая секунду назад дернула мужа за рукав, появилась раздраженная гримаса.

Какое-то время за столом воцарилась тишина. Гости не заметили бабушку. Они были слишком увлечены важными делами и разговорами о финансах, чтобы заметить какую-то старуху, которая незаметно юркнула в комнату и присела к уголку стола. И сейчас, они увидели ее впервые, услышав вопрос хозяина. Жены смутились, разглядывая ее тряпье, мужчины же посмотрели сожалеюще.

– Почему вы молчите?– спросил один из них участливо.– Поведайте нам что-нибудь.

Бабушка Асима оживилась. Ее восторженные голодные глаза посмотрели с благодарностью. Асима соскочила со стула и засемила на второй этаж поместья. Спустя минуту, она вернулась. Ее ждали удивленные гости. В жилистых руках тряслась деревянная шкатулка.

– О, господи...– прошептала сквозь губы женщина, и осуждающе посмотрела на мужа.

В глазах мужчины появилось волнение. Неужели его мать и вправду больна? «Ну, разве можно так, бегать по комнате, не соблюдая никакого этикета? На кону мое дальнейшее продвижение. По службе. И маменька об этом знает» – такая мысль промелькнула у него в голове нездоровым сомнением.

– Шкатулка, шкатулка!– радостно кричала бабушка – Я вам покажу, мне Кадима дала, мне Кадима дала – повторяла она никому непонятные еле различимые зачатки слов. Асима достала из шкатулки измалеванные листок с каракулями, и подбегая к каждому гостю, тряслась, и плакала. Слезы сменялись смехом слишком быстро. Сын согласился с утверждением слишком быстро. Его мать, несомненно, больна. Он опустил голову на сцепленные руки, которые большими пальцами коснулись лба.

Жена его весело рассмеялась, пытаясь спасти положение и перевести все в шутку. Терпение коллег все больше напоминало лохмотья. Оно рвалось слишком быстро. Бабушка Аси-

ма носила свое платье давно.

Коллеги молча, один за другим встали. Серебряный нож лязгнул о тарелку.

Девочка Мунира снова стояла под дверью. Все это время она пробыла в саду, забравшись на толстый ствол дерева, который примыкал своей кормой к вишне. Она кушала красные ягодки, голодно, но не потому что они ей нравились. Мунира не знала, нравится ей вишня или нет. Ее вкус был непривычный для девочки, но это не мешало ей обгладывать одну ягодку за другой. Девочка выплевывала косточки, собирая их в ладошку. Она намеревалась запустить ими в отца, когда он в очередной раз пробежит по саду в поисках дочери. Мужчина бежал, и на него сыпалась вишня.

– Черт! Вырублю!– прокричал он.

На его рубашки осталась красная капелька. Она скатилась по его груди и упала на землю. Мужчина попытался оттереть пятно пальцем

– Мунира!– крикнул он, потеряв уже всякую надежду.

Мунира притаилась на дереве. Она была испугана, и пыталась скрыть свой страх признаками злости, но злость так и осталась в ее руке не пророщенной. Девочка спрятала косточки в карман. Мужчина оперся ладонями о колени. Немного отдышавшись, он поднял голову, опущенную под тяжестью собственных угрызений, и увидел быстро идущую женщину. Ее белокурые локоны развивались по ветру.

– Мунира все слышала.– выдавил он.

– Ей поменьше нужно бывать, у твоей матери.

– Она итак не бывает, – опровергнул мужчина. – Только сейчас, пока в нашей усадьбе ремонт, мы претерпеваем некоторые трудности.

– Я надеюсь, что мы скоро вернемся. Домой – ее голос провалился внутрь. Женщина выдохнула. Она ткнула мужчину в красное пятно, царапая испорченную рубашку длинным ногтем. Неожиданно для девочки, угрозы матери сменялись ласками, она целовала мужчину под вишнями, нависшими красным дождем.

– Пойдем, ты должен переодеться.

– А Мунира? – оглянулся в последний раз мужчина.

– Побегает и вернется.

И Мунира вернулась, застав сцену с трясущейся бабушкой. В ее руках, девочка увидела шкатулку. Неизвестные ей гости, нахмурившись, вставали. Их жены язвительно смотрели на бабушку Асиму. Наверно, они надеялись умереть молодыми, иначе, почему бы они смеялись над скрюченной старостью женщиной. У них не могло зародиться мысли сопоставления: что этой женщиной, могут стать они. В умах их было только умение сопоставлять часы маникюра, которые, как назло, выпали на один и тот же день со стрижкой. Отец девочки встал, и слишком резко схватил бабушку за руку. Асима замолкла. В ее глазах промелькнула обида.

– Спасибо за ужин! – выдавил усатый мужчина, и направился к выходу, проигнорировав вытянутую руку хозяина.

Остальные последовали его примеру.

– Я что-то не то сказала?– испуганно спросила бабушка.

Сын посмотрел на нее разочарованно.

«Его мать больна» – с такой мыслью он вышел из комнаты, а Мунира осталась незамеченной. Она юркнула за стоящий массивный шкаф из красного дерева. Женщина все еще надеялась остановить идущих по саду гостей. Но они скрылись за воротами усадьбы.

– Папа?

– Что доча? – посмотрел на нее подавлено отец, развалившись в широком кресле. В его руке свисала бутылка виски.

– А бабушка, правда, больна?– робко спросила девочка.

– Правда. Больна – уронил на ковер эти два отдельных слова, сидящий в кресле мужчина.

– А почему она больна?

– Я не знаю. – Он заплакал, закрывая ладонями слезы. Его судорожные всхлипы содрогались вместе с изогнувшимся телом .

Девочка присела возле отца на колени.

– Я подумала, что ты плохой. Сегодня, когда услышала ваш разговор с мамой. Вы с мамой плохие. – грустно сказала девочка.

– Почему ты так подумала? – посмотрел на нее отец.

– Вы хотели отдать бабушку в «нехорошее место».

– Я не хотел, но сегодня убедился в том, что, наверно,

нужно.

Мужчина встал, похлопав дочку по плечу.

– Папа! – раздался детский голосок, пролетая по всей комнате. – А почему бабушка больна?

Мужчина задумался, прокручивая перед глазами день.

– В лохмотьях ходит, переодеваться не захотела... – его взгляд проваливался внутрь. Мужчина смотрел в центр комнаты.

– Ну и что, – удивилась девочка, не понимая значение следующих слов – какая разница, кто в чем ходит?

– Прыгала по всему залу и гостей пугала...

– Может, бабушка хотела повеселиться? – радостно выкрикнула девочка, ища бабушке оправдание. Она вскочила и запрыгала на месте, кружась вокруг своей маленькой оси.

– Нет, доча, взрослым не позволено веселиться.

– Тогда я не хочу быть взрослой! – надула губки Мунира, скрестив руки на груди, ее живот демонстративно выдвинулся вперед.

– Хорошо, можешь не расти! – улыбнулся отец и легонько похлопал девочку по спине.

В дверях появилась женщина.

– Я готова. Выходим!

– Куда? – испугалась Мунира.

– Домой. – ответил отец.

– Но ведь у нас ремонт?

– Ремонт почти закончен. Верхние этажи уже отремонти-

ровали. Мы завезем тебя домой, а с папой поедим в ресторан.

– А можно мне остаться у бабушки сегодня?

–Нет! Мунира, пойдем! – схватила ее за руку женщина и повела девочку к двери.

Девочка засопротивлялась.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста! Всего на одну ночь!–скользила она своими маленькими туфельками по паркету.

– Пусть останется. – разрешил отец.

В дверях появилась бабушка. На ней была белая длинная сорочка, а в руках ее горел фитиль.

– Ты чего с огнем ходишь?! Мама! Ведь дом спалишь!– выхватил горевшую свечку сын, и судорожно ее задул.

Женщина запрокинула руку к виску и выдавила вопль:

– Жду на улице.

Дверь закрылась. Ее навязчивый, терпкий парфюм оставался витать в воздухе.

– Так, темно.– невозмутимо сказала бабушка Асима.

– Свет же горит, мам.

– Так в комнате моей темно.– не понимая, что от старухи хотят, невозмутимо повторила бабушка Асима.

– Мама, ну ведь не в 17 веке живем. Люди придумали электричество, и в твоей комнате оно тоже есть.

– Люди много чего придумали, да не всегда толк есть от их выдумок. Раньше не так было...– грустно вздохнула бабушка.

– А как раньше было? Расскажи! Бабушка Асима, расска-

жи!

– Пойдем, Мунира. Я все тебе расскажу.– приложив свою старческую ладонь к спине девочки, бабушка сделала шаг вперед.

Девочка радостно засмеялась и побежала на второй этаж.

– Жду тебя в твоей комнате, ба.

Смех Муниры исчез где-то на лестнице.

– Хорошего вечера, сынок.– сказала любяще мать, похлопывая сына по плечу. Она развернулась, и ее ночная сорочка колыхнулась вперед.

– Постой. – остановил ее мужчина.– Что ты ей собираешься рассказать?– настороженно уточнил сын.

– Сказку, просто сказку сынок.

Бабушка исчезла в дверном проеме. Она шла на ощупь, а в ее руках тряслась потушенная свечка.

Мужчина вышел.

– Ты долго. Все-таки осталась.– констатировала женщина, на лице которой застыла досада.

– Пусть побудет с маменькой. В последний раз.

– Чувствую, добром это не закончится.– она хлопнула кожаной перчаткой, и ее руки упали вниз.

Ночь опустилась в комнату. Асима чиркнула спичками, и на лице девочки заплясали тени. Мунира сидела на бабуш-

киной постели, ее ноги были подобраны под себя. В глазах ее бушевали вопросы. Но Мунира не спешила их задавать. Она смотрела, как бабушка отодвигает ящик и достает оттуда темный стеклянный пузырек. Открыв крышку, старуха брызнула холодную жидкость на сморщенную руку. Вздрагивая и ежась, Асима смотрела на девочку, которая морщилась от едкого запаха. Бабушка растирала спину.

– Что это? – спросила Мунира, закрывая нос руками.

– Чтобы спина не болела.

– А почему ты так смешно вздрагиваешь?

– Холодный.– дала потрогать она девочке пузырек.

Мунира взяла флакончик в ладошки и начала дуть на него, и тереть в ручках.

– Держи, бабушка Асима, теперь нехолодный.

– Спасибо. – сказала Асима, беря обеими руками флакон.

– Бабушка, а хочешь, я тебе платье подарю?– весело сказала девочка.

– Платье?

– Да! Свое. Мама мне новое купит. Она мне обещала, что если я буду хорошо себя вести, а еще, обнимать папу, то ему странные дяди дадут деньги, а он отдаст их маме.

– И мама купит тебе платье?

– Да... – протянула послушно девочка.

– И себе купит?– невозмутимо уточнила бабушка.

– Да – подтвердила Мунира и продолжила рассказывать.– у мамы много платьев. У нас дома есть большой шкаф, я там

прячусь.— таинственно прошептала девочка.

— А зачем ей тогда еще одно?

— Не знаю...

— А мне зачем?

— Твое старое. — произнесла она, как бы оправдываясь.

Мунира смотрела на бабушку, изучая ее любопытными глазами. Старуха для девочки была загадочной, но все, почему-то, называли ее безумной. Девочка не совсем понимала, что значит быть безумной, но она знала одно, что это слово означает что-то нехорошее. И она чувствовала, что говорила бабушке тоже что-то нехорошее, называя ее платье старым. Именно поэтому ее слова прозвучали настолько неуверенно.

— Зато теплое.— произнесла Асима, на секунду умолкнув, а потом кивнула головой.

— Папа говорит, что это лохмотья...— протянула девочка и быстро добавила: Но я думаю, это неважно. Какая разница, кто в чем одет? Мне нравятся твои лохмотья, они смешные!— засмеялась она.

Бабушка Асима захлопала в ладоши и заплясала. Ее ночная сорочка кружилась над полом. Мунира тоже вскочила на кровать и захлопала в ладоши.

Бабушка улыbnулась и села.

— А ты любишь вишню?!— нагнулась она к Мунире с неожиданным вопросом.

— Ну...— протянула девочка.— Я не знаю. Она странная, вроде кислая, а вроде сладкая.

– А я люблю вишню. Но самая вкусная на самом верху. – вздохнула старуха.

– Почему ты вздыхаешь?

– Вспомнила, как твой папа забирался на дерево и собирал ее мне.

Девочка вспомнила, как отец сегодня разозлился и угрозил вишне ее вырубить. Бабушке она этого не сказала.

– А потом?

– А потом, он встретил твою маму, и весь день где-то начал пропадать. Наверно, бегал за ней. А я перестала есть вишню.

Девочка молчала и думала.

– Бабушка, ты не любишь мою маму?

– Почему ты так решила?

– Вы с ней не разговариваете.

– Я подхожу к ней и иногда говорю. А она молчит. Может быть, не слышит? – закрыла ладонями свои уши бабушка и посмотрела на девочку широко раскрытыми глазами. Она напоминала сову. Несколько раз моргнув, Асима улыбнулась, получив желанный смех внучки.

– Бабушка, расскажи мне сказку. – попросила девочка, пододвинувшись поближе.

– Сказку...- задумалась бабушка и начала свой рассказ.

«В тридевятom царстве, в тридевятom государстве, жили-были люди. Они говорили на неизвестном языке, и никто их не понимал.»

– А как же они тогда друг с другом говорили? – удивилась девочка.

– Слушай.– шепнула Асима, давая ей, возможно, самый ценный жизненный урок – Слушай. . .

«Никто не понимал их, кроме людей своего племени. Они жили на маленьком острове. Но однажды на этот остров приплыли чужие. И забрали всех их людей. Кроме двух. Два брата остались забытые. В этот день они находились на другой стороне острова, и собирали ракушки для матери, чтобы сделать ей ожерелье. Но, когда вернулись, никого не обнаружили.

– Это ты виноват! – сказал младший брат.– Из-за тебя они нас бросили. Нам же запрещали ходить на ту сторону острова.

– Нет, это ты виноват!– воспротивился старший.– И дело не в запрете. Мама болела, и все племя ушло умирать с ней в море. А из-за тебя, из-за того, что ты поссорился с матерью, и я был вынужден предложить тебе отправиться на другую сторону острова, чтобы решить твои проблемы, мы не смогли принять смерть вместе с нашими.

– Нет, это ты виноват!– и они не ушли умирать в море, триста лет еще не прошло.

– Прошло!

– Считать научись!– взмахнул руками младший брат.– Кто вообще это придумал! Раз в триста лет умирать вместе с самым старым.

– Это наши традиции.

– Разве я похож на девушку! На острове оставляет только мужчину и женщину для обновления рода. Нет, это что-то другое, они нас бросили.

– Не смей так говорить! Мы не бросаем своих! – второй брат толкнул младшего в песок.

Так и разругались два брата, оставшись на острове одни. И не разговаривали они больше никогда. И приплыли однажды люди. Они хотели изучить их язык. Но никто из них не обмолвился. И забыт был язык.»

– А откуда ты тогда знаешь, о чем они спорили? – девочка испытывала странные эмоции. Ей хотелось веселиться и прыгать, изображая женщину дикого племени, и в то же время, что-то ее останавливало.

– А я и не знаю, о чем они говорили. Я придумала. Я же говорю, Мунира, они не проронили ни слова из-за своей ссоры, и их язык умер. Никто не знает, из-за чего они поссорились.

Официант разносил напитки. Он направлялся к столику, за которым сидели мужчина и женщина, обволакиваемые струнной музыкой. Скрипка звучала искусственно. Белая перчатка сняла с подноса бокал, и передала его статной женщине.

– О чем задумался? – спросила она мужа, делая глоток принесенного ей напитка.

– О Мунире. Мне кажется, она привязалась к бабушке.– его взгляд зацепил след помады, оставленный на бокале его женой.

– Я говорила, что не следовало нам переезжать.–недовольно произнесла женщина.

Мужчина посмотрел на нее напряженно.

– Помнишь, как мы познакомились?– неожиданно спросила она.

– Я бегал за тобой еще с 12 лет, а ты меня не замечала.– протянул мужчина, улыбаясь – Ты посмотрела на меня, только когда мне исполнилось 21.– он засмеялся.

– И мы целовались с тобой в вишневом саду каждый день с наступлением вечера. – протянула женщина, грациозно взмахнув головой. Но спустя секунду она стала серьезной.

– Я не хочу, чтобы наша дочь голодала. Я всегда жила красиво, и тут, когда мне исполнилось 20, мой отец разорился. Бывало, я не ела три дня подряд. Да что я тебе рассказываю? Ты и сам все помнишь, как нашел меня однажды лежащую под вишней без сил.

Перед глазами мужчины проносились картинки. Он помнил, как взял эту женщину на руки и сказал ей: «Больше я тебя никогда не отпущу»

– Что сделала твоя мать сегодня? Теперь ты остался без контракта. Неужели она не понимает! Сама в лохмотьях ходит, хочет, чтобы и девочка тоже? Разве она не сошла с ума?

Тело старушки извивалась в судорогах. Она спала, издавая страшные вопли, и бессвязно бормотала губами. Мунира проснулась, и испуганно посмотрела на бабушку. Девочка потянула ее за руку. Асима открыла глаза. Ее морщины дергались, становясь еще глубже.

– Что? Где?– суетливо озиралась по сторонам скрюченная женщина. Ее старое тело свисало с кровати.

– Это я, Мунира. Все хорошо.– девочка обняла старушку, глядя ее по лбу. Ее маленькие пальчики держали растрепанную голову, и старушка начинала успокаиваться.

– Тебе приснился страшный сон? Бабушка Асима?

Старушка оперлась на локти и приподняла свой тощий стан. Она села.

– Да. Сон. Всего лишь сон. Ложись, доченька.

– Расскажи мне свой сон.– попросила девочка.– Так будет не страшно. Обещаю.

Асима посмотрела на нее с сомнением. Немного подумав, она легла на кровать, укрывшись одеялом. Она спряталась в него с головой и стала притворяться, что спит, но девочка не унималась. Она подбежала к тумбочке, на которой стояла лампа, и дернула за веревочку. Светильник разогнал тьму. Мунира снова прыгнула на кровать и начала тормошить бабушку.

– Ну, расскажи!– умоляла она.– Ну, расскажи. И сон свой расскажи, и что прячешь в шкатулке, расскажи. Все расскажи!

Асима встала.

– В какой-такой шкатулке?

– В такой шкатулке. В деревянной.

Асима испуганно посмотрела на девочку. Мунира поймала ее страх.

– Не бойся. Я не обижу – пообещала она бабушки.

– Ладно.

Асима засеменила по комнате. Трясушимися руками она достала деревянную шкатулку, и, прижав ее к груди, вернулась к девочке. Старуха молчала, сглатывая слюну. Ее губы были холодными. На лице появилась испарина. Она посмотрела на девочку, и увидела, как та ей улыбнулась. Так невинно, так по-детски и так искренни. И в этот момент сердце бабушки успокоилось. Наверно первый раз оно было спокойно за много десятков лет. В эту ночь бабушка Асима вновь стала маленькой девочкой, той, которую она каждую ночь видела во снах. Той, которой она когда-то была. И той, которую она когда-то давно потеряла.

– Каждую ночь,– начала она,– мне снится сон. Либо хороший, либо плохой. Хороший сон всегда один и тот же, а плохой постоянно меняется, становясь с каждым разом все ужаснее. – бабушка всхлипнула. Мунира взяла ее за руку. Маленькие пальчики касались жилистой руки, они были вложены в старую исхудавшую ладонь. Бабушка открыла шкатулку. В ней не было ничего, что обычно хранили бабушки в деревянных шкатулках: ни нитки, ни старые фотографии, ни

клипсы, ни бусы; только измятый листок бумаги, исписанный непонятными каракулями, покоился на пустом деревянном дне, словно под крышкой гроба. Мунира терпеливо ждала. Ей хотелось поскорее схватить листок и рассмотреть его получше, но Мунира не могла осмелиться. Она словно чувствовала, что этого делать нельзя, точно так же, как и нельзя было смеяться, изображая жителей странного племени, когда бабушка рассказывала ей сказку про остров.

– Мне снится сон. Старица Кадима сидит напротив маленькой девочки, такой же, как ты, и рассказывает, что-то. – палец Асимы упирается Мунире в грудь. – Старица бормочет непонятные слова, больше похожие на заклинания. Я не понимаю эти слова, но та, та маленькая девочка из моего сна, понимает. Я это чувствую. – на лице Асимы появляется блаженная улыбка. Мунира смотрит на не внимательно. Ей кажется, будто бабушка плачет, и слезы стекают с ее лица. « Но ведь люди плачут, когда им плохо» – задумывается она- «А бабушке Асима сейчас неплохо, она радуется»– девочка это понимает.

– Почему ты плачешь, ведь ты сейчас радуешься?

– Люди плачут не только от горя, но и от счастья. Я счастлива, потому что эта девочка из сна-это я . Я маленькая Асима, которая понимает, что говорит старица Кадима, это я, которая кушает сладкими ломтями ее рассказы. Они такие вкусные, как пудра. Они такие вкусные.– Асима облизывает губы, прикрывая в блаженстве глаза. Мунира тоже их за-

крывает, и ее реснички дрожат. Девочка начинает смеяться. Насытившись образами, старушка издает испуганный вздох.

Мунира смотрит на нее внимательно. Ее тоненькие бровки сходятся. На лбу появляется не свойственная для детского лица морщинка.

– Я больше не понимаю эти слова. – Асима передает листок девочке. – Это мой язык, тот, на котором говорит в моем сне старица Кадима-моя бабушка.

Тоненькие пальчики тянутся к листочку. Девочка разглядывает его внимательно.

– А почему ты не понимаешь свой язык? – удивляется девочка.

Бабушка Асима смотрит на нее не менее внимательно, она стыдливо улыбается. Удивление девочки передается бабушке Асиме. Действительно, а почему она не понимает свой язык? Как так случилось, что родной язык был стерт и выжжен из ее сердца?

– Мы говорили на нашем языке только дома, но я этого не знала, пока не пошла в школу. Мне казалось, что существует только наш язык. Я не знала о существовании других. А потом я пришла в первый класс, и все говорили на незнакомом мне языке. Я их не понимала. Потом Кадима пошла в школу, и вернулась расстроенная. В семье начали разговаривать на русском. Мне он не давался. Но выбора не осталось. Когда я обращалась к Кадиме на нашем языке, она молчала. Она молчала, а по ночам плакала. Я только сейчас поняла поче-

му.

– А страшный сон, бабушка?

– Качалась вишня. Я видела трясущиеся руки. А потом шкатулка падала в яму. А в яму падала земля. В следующем сне я видела силуэт Кадимы. Он сгибался на фоне гнущейся вишни. Молния сверкала на бабушкиной одежде. Ее одежда была, как черное небо. Под ногами появлялась яма. Земля расходилась в разные стороны. На крышку гроба подали мокрые комья. Из под земли кто-то визжал. Все действия происходили ночью. В третьем сне я услышала гром. Сынок что-то проговаривал. Твоя мама стояла рядом. Черный зонт защищал от капель. Шел ливень. Он превратился в кровь. Это была не кровь, а сок ягод. Он лился по рубашке сыночка. Сыночек что-то проговаривал. Я его не слышала. Его голос перебивал гром. Они закапывали меня, хоронили. Я была живая. Я держала шкатулку. Все было кончено. Свеча потухла. Электричество! Люди придумали электричество! – Асима вскочила и побежала к выключателю.

– Бабушка, нет! Зажги свечку. – побежала за ней девочка.

– Свечку. Я зажгу свечку. Я помню, как мы с Кадимой сажали вишню. У нее в руках была свечка.

– А у меня есть косточки.– девочка открыла ладонь.

Асима опустилась на колени и прижала ее лоб к своему. Ее лицо превратилось в блаженство. Она улыбнулась и что-то шепнула. И они побежали на улицу.

– Бабушка! А как зародился язык?

Асима выкапывала ладонями ямку. Мунира бегала вокруг деревьев. Она собирала косточки и слушала шорох листьев.

– Как зародился язык? Люли договорились. Этот предмет будет называться так, а вот этот предмет будет называться эдак. – Асима крутила косточку вишни. Мунира присела рядом.

– А как они могли договориться, если языка и слов не было?

Бабушка улыбнулась.

– И в правду! Наверно они подражали природе. Это сейчас люди имеют электричество! Цивилизация. Великий прогресс. А раньше этого не было. Люди не жили в городах. Они были одним целым с природой. Природа разговаривала, и они научились.

– А как природа разговаривала?

Асима взяла кувшин с длинным носиком. Бабушка вымыла руки и начала заливать ямку с косточками. Слышишь? – спросила она, – вода журчит. Вода дает жизнь. Как в русских сказках, живая и мертвая вода. Мне до боли нравятся русские сказки! Мне нравятся сказки всех народов! Их легенды, традиции. Вода журчит. Так ты слышишь? – бабушка смотрела на нее исподлобья. – листва шумит! Так и появились некоторые звуки. «Шшш..». «Щщщ..». «Жжж..». А потом люди договорились. Я не знаю, как было. Некоторые говорят,

что язык им подарил бог.

– Шшш..Щщщ..– повторила девочка и засмеялась. Она взялась руками за кувшин с водой. Ее руки переплелись с бабушкиными. Косточки были посажены. – Бабушка! Расскажи мне еще!

– Я расскажу тебе эстонскую легенду. Про то, как появился язык. В одном племени люди не говорили. Они не умели, только обменивались жестами. Но однажды к ним пришел странник. С его подбородка стекала седая борода. На его спине вырос горб, а на лице ушли вглубь морщины. В одну из ночей он позвал вождя племени. Старец поставил котел. Огонь трещал вместе с дровами. На деревьях танцевали тени. Пламя языка кипятило воду в котле. Котел начал кипеть, журчать и шуметь. Он рычал, издавая странные звуки. Старец начал повторять. Вождь последовал его примеру. Со временем, все племя научилось говорить. А странник ушел, не оставив ни следа, ни упоминания. Единственное, что он оставил после себя, это язык. Язык старого племени.

– Этот старец был волшебником?!– вскрикнула Мунира. Ее реснички быстро трепыхались. Глаза горели удивлением.

– Волшебником-волшебником. – пробормотала бабушка. Вишня качнулась, оставляя после себя приятных холодов на теле.

– Так много разных сказок о языке! И все они мне нравятся! Но, а как же было по правде?

– Я не знаю Мунира. Правда у всех своя.

– Тогда пусть и у нас будет своя правда!

– Как это?

– Так это!

– Ну, как это?– не унималась бабушка, удивленно хлопая ушами. Мунира засмеялась и побежала в рощу деревьев. Бабушка не поспевала за ней. Она схватилась за больную спину, и начала оглядываться по сторонам. Асима потеряла девочку из вида. Она коснулась поникшего дерева, и обреченно вздохнула:

– Умер язык...

– Не умер!– Мунира сидела наверху. Она вскарабкалась на дерево и кушала вишню. На фоне ее спины развернулось покрывало ярких звезд. – У нас своя правда! Договоримся! – Маленькие ручки достали из шкатулки листок. – Мы сами придумаем, как будем читать письмо бабушки Кадимы! Договоримся! – ее голосок разрывал тишину.

Бабушку Асиму держали с двух разных сторон за руки.

– Маменька, нам надо тебя забрать.

– Что ты ей говоришь, она не понимает.

Асима хлопала глазами, внутренне дрожа. Она молчала, но в голове ей не давали покоя мысли. Асима вырвала руки и побежала в сторону. Она скатилась на пол и, зажмурившись, заткнула себе уши. Два тонких морщинистых пальца, вонзились в нее, как спасительны е стрелы. Жена засмеялась, крутя демонстративно у виска. Муж посмотрел на нее разъярён-

но. Он замахнулся рукой, но женщина взвизгнула. Рука застыла в воздухе. Мунира застыла в дверях. Женщина начала плакать. Мужчина кашлянул, и, шатаясь, опрокинул бокал. Недопитая бутылка виски полетела на пол, растекаясь мертвой водой. Вода струилась к непроницаемым черным лохмотьям. Бабушка Асима укуталась в ткань.

– Вот что она с нами сделала! – Кричала женщина.– Вот, что она сделала с тобой! Как ты мог на меня замахнуться! Как ты мог на меня так смотреть!

– Я бы не ударил тебя. – Он закашлял. Галстук душил мужчине шею. Ему было тяжело говорить. Мысли разрывали полностью.

– Я разведусь с тобой! Я или она. – Женщина побежала к шкафу.

– Что ты делаешь?

– Возвращаюсь домой. – она кидала свои вещи на кресло.– А ты оставайся с мамой!

– Нет, я тебя не отпущу. – мужчина побежал за женой, но остановился на середине комнаты. Он обрушил свои глаза на старуху. Асима опрокинула статуэтку, пряча свою шкатулку в шкаф.

– Мама!

Старуха вздрогнула. Она завизжала, останавливая слезы. В ее руках дрожала шкатулка. Шкатулка упала вниз. Старуха поползла за ней по паркету.

– Отдай мне ее! Прокричал мужчина.– Все из-за этого!

Все из-за твоих глупостей.

– Нет!– прокричала Мунира, и выхватила шкатулку у отца.

Мужчина замер. Он не хотел увидеть девочку. Но в этот момент девочка увидела его.

– Моя, не отдам! – прокричала Мунира, плача.

Мать подбежала к дочери.

– Моя девочка, пойдем, я куплю тебе платье.

– Мне не надо платье! Мне нужна бабушка.

– Бабушка сошла с ума.

– Ты все врешь!

– Мама не врет.

– Мама не врет.– повторила слова сына старуха.

Молчание повисло в воздухе. Все посмотрели на бабушку Асиму, которая сидела, обнимая колени. С ее хрупкого тела все так же стекали лохмотья. Глаза все так же были восхищенно-горящими. Лицо так же покрывали морщины. Она шептала что-то еле различимое. Странные зачатки слов. По ночам рассказывала сказки. Мечтала показать всем шкатулку. Бабушки Асимы больше не было. Ее увезли, она сама согласилась. Покорно вышла из комнаты. Прильнула своим лбом к голове Муниры. Девочка поцеловала ее в щеку. Девочка убежала в бабушкину комнату. Она прижимала к своей груди шкатулку. Ее руки крепко вцепились в старое дерево. Она зажигала свечку. Она читала письмо старицы Кадимы.

От автора

За помощь в дизайне обложки автор благодарит сайт Pixabay, который предоставил изображения – <https://pixabay.com/ru/vectors/ребенок-девочка-бабушка-история-1293438/>